

УДК 81-13

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ТЕКСТА

СТУКОЛОВА Галина Петровна,кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики дошкольного и начального образования,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. Представляя собой некий научный феномен, текст был и остаётся до сих пор предметом изучения целого ряда лингвистических направлений. Однако онтологический статус текста до сих пор является до конца невыясненным. Думается, что решение проблемы кроется в необходимости разграничения текстов на «языковые» и «речевые», поскольку «языковые» и «речевые» тексты являются результатами двух сложных и отличающихся друг от друга психофизиологических процессов.

Предположительно, именно «речевой» текст является источником порождения синтаксических структур, но при этом сам из них не состоит. «Речевой» текст содержит некие предструктуры – прообразы новых синтаксических конструкций, которые далее проходят этапы становления и формирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: текст, онтологический статус, «языковой» текст, «речевой» текст, синтаксические структуры, предструктуры, язык, речь, структурные синтаксические схемы.

STUKOLOVA G.P.,Cand. Philolog. Sci., Docent of the Department of Pedagogy and Methodology of Primary Education,
Voronezh State Pedagogical University

THE ONTOLOGICAL STATUS OF TEXT

ABSTRACT. As a certain scientific phenomenon, the text has been and still is the subject of study for a large number of areas of linguistic science. However, the ontological status of the text so far remains unclear. It appears that the solution to this problem lies in the necessity to differentiate between “language” texts and “speech” texts, since “language” texts and “speech” texts are products of two complex and considerably different psychological processes.

Presumably, it is the “speech” text that is the source of the generation of syntactic structures despite the fact that it does not consist of them itself. A “speech” text contains certain pre-structures – prototypes of new syntactic structures which then pass the stages of establishing and formation.

KEY WORDS: the text, the ontological status, the “language” texts, the “speech” texts, syntactic structures, pre-structures, the language, the speech, structural syntactic schemes.

Текст как предмет наблюдения и анализа вызывает интерес исследователей как с научной, так и с методической точки зрения, поскольку представляет собою некий феномен, онтологический статус которого так до конца и не определен. До сих пор остается невыясненным, что такое текст и как он хранится; в чем заключается целостность текста и чем он отличается от механического соединения предложений; каковы основные качества текста и его грамматические особенности; возможно ли порождение текста и, если возможно, то каким образом; каковы границы текста; относится он к единицам языка или единицам речи.

И в научной, и в методической практике (при изучении текста в школе и вузе) традиционным является понимание текста как одной из единиц синтаксиса, выделяемой наряду с предложением (простым и сложным). Текст при этом рассматривается как некое целостное синтаксическое образование, определенным образом построенное из простых и сложных предложений. В качестве же предмета анализа обычно выступают объемные письменные художественные тексты, протяженность которых больше, чем одно высказывание.

Односторонность такого подхода очевидна: вряд ли текст, понимаемый таким образом, может рассматриваться как единица синтаксиса наряду со знаковой единицей языка – предложением, по-

скольку природа текста гораздо сложнее, чем природа единиц языка.

В разные годы в лингвистической науке текст становился предметом исследования нескольких научных направлений – лингвистики текста, грамматики текста, герменевтики, структуры текста – и изучался разными методами и с разными целями, что привело к созданию общей теории текста, однако научной теории, которая была бы способна служить основой для решения проблем, связанных с текстом, до сих пор не создано.

В рамках грамматики текста, которая условно делилась на «порождающую грамматику» и лингвистику текста, были предприняты первые попытки изучения такого непростого явления, как текст. Предметом рассмотрения генеративной грамматики было и остается предложение как единица текста. Лингвистика текста же рассматривала текст как целое, считая его, а не предложение, непосредственной данностью, для продуцирования и восприятия которой существуют определенные правила и условия.

Подобный взгляд на текст как на непосредственную данность, существующую до любого анализа, побудил исследователей по-иному взглянуть и на предложение как основную единицу языка, и на текст как единицу речи. Однако при изучении текста исследователи отталкивались все же от анализа предложения, считая, что грамматическое описание

текста может рассматриваться как обобщение грамматического описания предложения, а грамматическое описание отдельных предложений текста может являться частью описания текста. Стало очевидным, что ни логические исчисления, ни формальная логика, ни обычные грамматики, в том числе и порождающие, которые пытались изучать текст через анализ его частей – предложений, так и не смогли дать объяснения структурно-семантическим особенностям естественного текста. Поэтому, несмотря на многочисленные исследования и большой объем описанного материала, многие вопросы, касающиеся теории и анализа текста, остаются нерешенными или решаются неоднозначно.

Сущность и природа текста так и не ясны, до конца непонятны принципы его построения и закономерности функционирования, нет единого, носящего терминологический характер определения текста [1; 2]. Текст трактуется исследователями либо слишком «узко», либо слишком «широко» в зависимости от того, к какому направлению теории текста принадлежит исследователь (выявляются ли содержательные компоненты текста, связанные с обеспечением правильной коммуникации и правильного построения текста вообще, или выявляются глубинные смыслы, содержащиеся в одном каком-либо замкнутом тексте), в зависимости от того, какой из аспектов изучения текста вызывает интерес (психологический, лингвистический, прагматический, онтологический, когнитивный и др.), в зависимости от типа анализируемого текста (простого или сложного, устного или письменного, относящегося к тому или иному типу речи и стилю).

Одни исследователи (К.А. Долинин [3], К. Коженикова [4], Л.А. Новиков [5], Г.Я. Солганик [6]) считают текст сложным структурно-семантическим образованием, созданным на основе лексического, логического и грамматического единения предложений. Другие (Г.В. Колшанский [7], О.Л. Каменская [8]) называют текст срединным элементом схемы коммуникативного акта, некоей коммуникативной системой речевых знаков, воплощающей сопряженную модель деятельности адресата и отправителя сообщения. Третьи же (Ю.М. Лотман [9], Т.М. Николаева [10], Б.А. Успенский [11]), опираясь на положения семиотики, понимают под текстом объединенную смысловой связью последовательность вербальных знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность. Связность, цельность и членимость при этом традиционно считаются основными признаками (качествами) текста, воплощающимися в целом наборе текстовых категорий – содержательной и формальной связности, информативности, интенциональности, модальности, прагматической направленности и некоторых других.

Несколько по-разному понимая текст, исследователи тем не менее традиционно его рассматривают как некое синтаксическое образование, построенное по законам и правилам грамматики языка и имеющее свои специфические категории и признаки. Думается, что это не совсем правильно, поскольку текст – это явление не столько языка, сколько речи.

Решение проблемы определения онтологического статуса текста и проблемы порождения и понимания текста кроется, на наш взгляд, в необходимости разграничения двух уровней анализа – уровня синтаксической грамматики (уровня языка) и уровня текста (уровня речи).

Нами ранее уже неоднократно говорилось [12; 13], что, вероятно, следует различать и два процесса, которые ведут к образованию текстов: языковую деятельность и, возможно, деятельность только речевую. В результате языковой деятельности порождение текста происходит в согласовании с правилами, составляющими систему языка. В результате же речевой деятельности – сложного психофизиологического процесса – «рождается» текст, который может быть организован не по правилам системы языка (или в котором соблюдены не все языковые правила). Сама речь как деятельность, в процессе которой создаются и функционируют речевые произведения, не всегда организована по языковым правилам и не всегда является результатом реализации языковой системы.

Тексты, таким образом, могут быть так называемыми «языковыми», порожденными системой языка, и «речевыми», порожденными говорящим непосредственно в речи со слабым взаимодействием с языковой системой.

«Языковые» тексты и представляют собой упорядоченное множество предложений, объединенных различными типами лексической, логической и грамматической связи; некое сложное единство, структурно-семантическое образование, способное передавать определенным образом организованную и направленную информацию. Такие тексты должны отличаться правильностью и обработанностью, обладать такими качествами, как цельность, связность и членимость. Именно «языковые» тексты можно изучать с опорой на синтаксическую систему языка, выстраивая грамматику текста на базе трансформационной грамматики предложения.

Тексты же как результат реализации речевой деятельности – это некая иная данность (возможно, находящаяся вне говорящего), это некий феномен, некая информационная структура, которая улавливается и обрабатывается интенцией и компетенцией говорящего непосредственно в речи, при этом операции, связанные с обработкой информации – фиксацией события реальной или ирреальной действительности, могут быть осуществлены как с помощью вербальных, так и с помощью невербальных средств. В этом смысле текст как срединный элемент схемы коммуникативного акта – это некая формальная конструкция. Возможно, это сама действительность (как совокупность связанных между собой явлений и отношений между явлениями), которую человек «читает» и, осмысливая полученную информацию, пытается ее закодировать речевыми последовательностями, что и ведет к созданию «речевого» текста. Такие тексты тоже способны передавать определенным образом организованную и направленную информацию, однако, фиксируя смыслы в речи, говорящий не всегда апеллирует к языковой системе, единицы которой (языковые синтаксические знаки) могут оказаться непригодными для передачи тончайших оттенков информации, неуловимых смыслов, нюансов, связанных с той или иной обозначаемой ситуацией, поэтому «речевой» текст не всегда отличается правильностью и обработанностью (зачастую он построен «не думая», по принципу «как получилось» или «лишь бы сказать»). В реальной языковой практике необработанный «речевой» текст может быть встроен в «языковой» текст, а может представлять собой и самостоятельное произведение, если это, например, одна коммуникативная реплика; при этом ни говорящий, ни слушающий не различают «языко-

вой» текст и «речевой» текст. Однако именно «речевые» тексты как попытка зафиксировать полученную в процессе отражения и познания явлений действительности информацию, являются первичными, в отличие от «языковых» текстов – вторичных, обработанных, созданных по правилам.

Предположительно, именно «речевой» текст является источником порождения синтаксических структур, но при этом сам из них не состоит. «Речевой» текст содержит некие предструктуры – прообразы новых синтаксических конструкций, которые далее проходят этапы становления, формирования и закрепления в языковой системе.

В первичных «речевых» текстах рождаются новые синтаксические конструкции, закрепляющие внеязыковую ситуацию, причем некоторые из синтаксических структур в речи так и остаются, другие же фиксируются языковой системой и становятся затем единицами вторичных «языковых» текстов. В этом смысле интересно выяснить, каким образом в тексте рождаются синтаксические структуры, как они затем формируются в структурные синтаксические схемы, какие из них «уходят» в язык [14], а какие остаются в тексте и, наконец, по каким правилам на базе синтаксических языковых структур создаются тексты второго, языкового, уровня.

Совершенно очевидно, что изучать «речевые» тексты, опираясь на принципы генеративной грамматики, вряд ли возможно, поскольку «речевые» тексты не состоят из синтаксических языковых структур – они их формируют. Только в «речевом» тексте появляются так называемые деформированные синтаксические структуры, фразеологизированные конструкции, конструкции с грамматическими нарушениями (например, *Кто потерял зонт, он нашелся, звоните по телефону.; Которые группы снимают с занятий, должны отработать их в соответствии с графиком; Кто имеет академические задолженности, явиться в деканат; Как где не у нас Вы об этом узнаете; Кто другой, а я приду один; На что уж они толковые люди, а и то не разобрались; Зачем ты это сказал, знаю; Кому нужна медсестра, я – на первом этаже, дежурю*). Некоторые из таких конструкций, возможно, и фиксируются синтаксической структурной схемой и из предструктур превратятся в полноценные языковые единицы, пусть и особые. Такой процесс уже активно происходит в языке, и его результатом является большое количество разнообразных несвободных синтаксических конструкций, построенных по особым структурным схемам, закрепившимся в языковой системе.

Несвободные синтаксические конструкции (синтаксические фразеологизмы) – это такие образования, отличительными признаками которых являются немотивированность грамматических связей между компонентами модели и немотивированность грамматической семантики. Они представляют собой результат действия в языке сложного естественного процесса – процесса фразеологизации, сущность которого состоит в обособлении, изоляции единиц разных уровней от соотносимых с ними свободных построений. Изоляция и обособление происходят, прежде всего, за счет нарушения системных, регулярных связей между структурой и лексическим наполнением той или иной единицы, с

одной стороны, и ее семантикой (лексической и грамматической) – с другой. Асимметрия этих двух сторон языковой единицы зачастую сопровождается семантическим сдвигом (метафоризацией), десемантизацией (полной или частичной) отдельных элементов предложения или словосочетания и лексикализацией десемантизированных элементов. Десемантизацию и лексикализацию можно наблюдать в таких несвободных конструкциях, как «куда прощ»; «о ком как не о нем»; «смотря что»; «молодость молодостью»; «а что если проверка»; «что мне до них»; «уж кто-кто, а ты-то меня понимаешь» и многих других [15], в которых отдельные компоненты утрачивают свое значение, но в сочетании с другими словами приобретают новое значение, выполняя чаще всего функцию выделительной частицы, союза, зачина, ввода, концовки.

Фразеологизация синтаксических конструкций (так же, как и деформация модели предложения или нарушение грамматических правил при построении конструкции) образует в них особую семантическую емкость, позволяя говорящему зафиксировать и передать не столько внеязыковую ситуацию, сколько эмоциональное и оценочное отношение к ней. Появившись в «речевом» тексте как своеобразные речевые игры и эксперименты, многие из фразеологизированных конструкций зафиксировались особой структурной схемой и закрепились в синтаксической системе языка [15].

Итак, и языковая, и речевая деятельность является разновидностью семиотической деятельности и ведет к образованию текстов; но если в процессе языковой деятельности функционируют уже существующие знаки (и лексические, и синтаксические), то в процессе речевой деятельности эти знаки рождаются: «речевой» текст и представляет собой источник порождения языковых знаков. «Речевые» тексты не могут рассматриваться как синтаксические единицы, поскольку они не являются фактом языка и не хранятся в мозгу человека. Особой единицей синтаксиса могут быть признаны только «языковые» тексты.

Таким образом, для решения вопроса об онтологическом статусе текста, определения его природы и сущности необходимо смотреть на текст как на некую дихотомическую сущность, некое «расщепленное» явление, представленное двумя ипостасями – речевой и языковой. Разграничение текстов на «языковые» и «речевые» представляется необходимым, поскольку «языковые» и «речевые» тексты являются результатами двух сложных и отличающихся друг от друга психофизиологических процессов. Кроме того, необходимо разделение и двух лингвистических научных направлений, изучающих процессы порождения и становления как начальных текстов (или их элементов), так и синтаксических структур: грамматики текста и лингвистики текста. Грамматика текста должна изучать «языковые» тексты, которые могут рассматриваться в рамках синтаксической науки наряду с такими синтаксическими единицами, как словосочетание и предложение. «Речевые» тексты» как особые и специфические образования должны стать предметом лингвистики текста и изучаться отдельно с опорой на совершенно иной метаязык [16; 17].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 138 с.
2. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста : учеб. пособие для высшей школы / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – М. : Академический Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2004. – 400 с.
3. Долинин К.А. Интерпретация текста : учеб. пособие / К.А. Долинин. – М. : КомКнига, 2010. – 304 с.
4. Кожевникова К. Об аспектах связности в тексте как целом / К. Кожевникова // Синтаксис текста. – М. : Наука, 1979. – С. 49–68.
5. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ / Л.А. Новиков. – М. : ЛКИ, 2007. – 304 с.
6. Солганик Г.Я. Стилистика текста : учеб. пособие / Г.Я. Солганик. – М. : Флинта, Наука, 1997. – 256 с.
7. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – М. : ЛКИ, 2007. – 176 с.
8. Каменская О.Л. Текст и коммуникация : учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / О.Л. Каменская. – М. : Высш. школа, 1990. – 152 с.
9. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман // Об искусстве. – СПб. : Искусство – СПб, 1998. – С. 14–285.
10. Николаева Т.М. Лингвистика текста. Теория текста. Текст / Т.М. Николаева // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 507.
11. Успенский Б.А. Семиотика искусства / Б.А. Успенский. – М. : Школа Языки русской культуры, 1995. – 360 с.
12. Стуколова Г.П. Текст как исходная реальность филологии / Г.П. Стуколова // Грамматика III тысячелетия в контексте современного научного знания: XXVIII Распоповские чтения : материалы Международной конференции : в 2 ч. – Воронеж : ВГПУ, 2010. – Ч. II. – С. 42–48.
13. Стуколова Г.П. К вопросу об изучении текста / Г.П. Стуколова // Русский язык как явление национальной культуры: проблемы современного состояния и динамического развития : сборник научных статей к юбилею профессора Ольги Владимировны Загоровской. – Воронеж : Научная книга, 2011. – С. 197–202.
14. Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З.Д. Попова. – Воронеж : Истоки, 2009. – 209 с.
15. Слепцова А.М. Несвободные синтаксические конструкции (синтаксические фразеологизмы русского языка) : учеб. пособие / А.М. Слепцова, Г.П. Стуколова. – Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 1998. – 63 с.
16. Лингвистика текста: учебно-методическое пособие / А.Г. Лапотько, Г.П. Стуколова. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. – 54 с.
17. Редактирование. Общий курс : учеб. пособие / А.Г. Лапотько [и др.]. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2011. – 179 с.